

Дискурсы этики. 2023, 4(20): 11—32

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/06/DE2023_4_20_11-32.pdf

УДК 179

О ВОЗМОЖНОСТИ ОТМЕНЫ КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ

Глебова С. В.

статья:

поступила в редакцию 16.11.2023

принята к публикации 20.12.2023

опубликована (онлайн) 07.06.2024

© Глебова Софья Валерьевна

кандидат философских наук,

ассистент каф. Русской культуры и философии Института философии

Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: sophi_ign@mail.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Дискуссии вокруг культуры отмены не утихают, проблемы публичного буллинга и досудебных санкций становятся серьезной социальной проблемой, анализируемой как в академической среде, так и общественными деятелями. Вину за появление культуры отмены возлагают на информационное общество, однако, стоит признать, что феномен остракизма совершенно не нов. В связи с чем, предполагается, что голая критика культуры отмены не может быть панацеей, как и слабо аргументированное ее превознесение. В статье предпринимается попытка историко-литературного анализа феномена социального остракизма, выявление целей и задач социального института. Целью исследования является открытие дискуссии в рамках назревшей потребности во всестороннем рассмотрении феномена культуры отмены и определения его социальных функций.

Ключевые слова: мораль, этика, культура отмены, остракизм, общественная мораль.

Discourses of Ethics. 2023, 4(20): 11—32

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/06/DE2023_4_20_11-32.pdf

ON THE POSSIBILITY OF CANCELATION OF THE CANCEL CULTURE

Glebova Sofia

received 16.11.2023

accepted 20.12.2023

published (online) 07.06.2024

© Sofia V. Glebova

PhD in Philosophy,

assistant professor Department of Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy,
Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: sophi_ign@mail.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract. Debates around cancel culture still continue; the problems of public bullying and pre-trial sanctions are becoming a serious social problem, analysed both in the academic environment and by public figures. The rise of cancel culture is blamed on the information society, but it is worth recognizing that the phenomenon of ostracism is not new at all. In this regard, it is assumed that bare criticism of cancel culture cannot be a panacea, nor can its weakly reasoned exaltation. The article attempts a historical and literary analysis of the phenomenon of social ostracism, to identify the goals and objectives of a social institution. The purpose of the study is to open a discussion within the framework of the urgent need for a comprehensive consideration of the phenomenon of cancel culture and the definition of its social functions.

Keywords: morality, ethics, cancel culture, ostracism, public morality.

В русскоязычном академическом сообществе идут жаркие обсуждения проблем «новой этики» и культуры отмены как частного случая данного феномена. Культура отмены во многом воспринимается как негативный феномен¹. Она может проявляться через такие феномены, как самосуд, суд Линча и даже побиевание камнями.

Следует уточнить, что понятия «новая этика» в западном академическом дискурсе не существует вообще: по запросу «New Ethics» поисковик выдает книгу зоолога от 1907 года, а также исследования российских авторов, написанные на английском языке. Дело, как кажется автору данной статьи, состоит в том, что «новая этика» ничем принципиально новым не является: вопросы проблематичности политики расизма и сексизма начинают звучать в XIX веке, а осуждение применения насилия (в том числе сексуального) встречается в литературе, начиная с Древней Греции. Некоторое же развитие получила тема толерантности, расширив круг лиц, к которым должен применяться данный принцип, однако сам принцип также не нов. Поэтому вряд ли вообще можно назвать термин «новая этика» удачным.

Можно было бы предположить, судя по общественному резонансу, что принципиально новым является механизм «отмены» человека. Культура отмены предполагает публичное осуждение, отказ от предоставления площадок для публичной деятельности, экономическое эмбарго человека, компании или, как показывает современная практика, целой страны. Достаточно часто социальный механизм культуры от-

¹ Родичева, И.С. «Культура отмены: анти- или контркультура»; Мирзаева, Д.У. «Является ли культура отмены культурой?»; Таранова, А.Е., Антонова, А.Л. «Перспективы культуры, науки и человечества в условиях культуры отмены (концептуальная реконструкция)»; Нигматуллина, Т.А., Терновая, Л.О. «Неоментальность «культуры отмены» vs традиционные культура и ценности»; Мухлыкина, Ю.В., Иванов, А.И. «Культура отмены: истоки, проявления, влияние на общество» и пр.

мены определяют через понятие остракизма². В целом можно согласиться с данным сравнением: действительно, на определенное время субъекта или субъектов (если мы говорим о гражданах страны) лишают возможности полноценного социального и профессионального взаимодействия. На основании этого в данной статье мы будем говорить о культуре отмены как об эволюции практик остракизма с целью определить основные тренды развития оных, а также перспективы решения этических конфликтов, возникающих в рамках культуры отмены.

Практика изгнания из общества известна среди традиционных племен. Данная традиция была обращена против членов племени, нарушивших табу, а также вождей, при которых племя испытывало нужду по тому или иному случаю [10, с. 121; 5, с. 213]. Особенности мифологического мышления также позволяют определять под изгнанием ритуал очищения жилищ и деревни племени от потусторонних сил, которые всегда живут рядом с племенем и являются реальными социальными акторами. При этом изгонялись только духи и бесы, которые нарушали общественный порядок или изначально по своей природе являлись злыми [11, с. 241].

Если обращаться к самому термину «остракизм», то обязательным является упоминание греческих остраконов, название которых пошло от глиняных табличек, с помощью которых граждане полиса голосовали по вопросу изгнания политика, чей подход к управлению оказался неблагоприятным для полиса. При этом мероприятия голосования проводились в даты, свободные от сельскохозяйственных работ, для того чтобы в процедуре изгнания участвовало абсолютное большинство жителей полиса [14, с. 163]. И, если изгнание из племени периодически не имело конкретных временных ограничений (особенно когда это касалось потусторонних сил), то процедура остракизма имела весьма определенный срок — 10 лет [14, с. 150-152].

² Кранк, О.Э. «Культура отмены» и «Новая этика»; Мухлыкина, Ю.В., Иванов, А.И. «Культура отмены: истоки, проявления, влияние на общество»; Щенина, О.Г. «Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования»; Мутузова, З.М., Велиев, З.Ф. «Культура отмены: история и современность» и пр.

Дописьменная культура не оставила нам свидетельств человеческого страдания по несправедливо осужденным, однако уже в греческой трагедии мы находим свидетельства того, что механизм не был совершенен. В трагедии «Агамемнон» Эсхила видим сочувствие к вестнику, возвратившемуся из изгнания:

*«Родимый Аргос! О порог отечества!
На год десятый вижу вновь тебя. Надежд
Крушилось много; но сия исполнилась.
Не чаял я, что вышние готовят мне
В земле родной, близ отчих усыпален, гроб.
Тебе поклон, земля моя! свет солнечный!»* [13, строки 503-508]

Тем не менее, инструмент для регуляции общества, обеспечения его благополучия, стабильности культуры и моральных идеалов, а также общественного обличения нарушителя и дальнейшего его изгнания существовал. И сегодня эти механизмы оцениваются как достаточно эффективные. Уже здесь мы замечаем повышенные требования к обладающим властью: вождь должен не только блюсти свои табу, но и заботиться о благосостоянии племени; политик должен не просто быть ответственным гражданином, но и заботиться о процветании полиса. И все же сам инструмент мог быть применен как к актерам, обличенным властью, так и к любому другому моральному агенту.

Следуя логике «исторического припоминания», придется все же упомянуть процедуру анафемы и ее последствия. Однако автору эта форма представляется достаточно специфичной, так как в данном случае отлучение от Церкви накладывалось единоличным решением церковного лица, и уже это решение влияло на восприятие человека в обществе. По схожим причинам не до конца верным будет определять гонения на «врагов народа» и их семьи в СССР или евреев и их «пособников» в нацистской Германии. Даже если внешняя реакция на политическое решение выглядела как массовое одобрение, то нельзя с определенной точностью признать такой случай примером остракиз-

ма. На деле отрешение диссидента или «врага народа» могло происходить или вследствие действительно искреннего порицания его действий, или из-за страха выступить против государства хотя бы в форме выражения слов поддержки неуголному, или так проявлялся конформизм, или все вышеперечисленные факторы имели место.

Наиболее близким к культуре отмены представляется «суд общественной морали» XIX века, так красочно изображенный классиками литературы³. Ф.М. Достоевский в романе «Идиот» описывает достаточно красочно незавидное положение Настасьи Филипповны в обществе Санкт-Петербурга: «Хотя в наглom приставании, в афишевании знакомства и короткости, которых не было, заключалась непременно цель, и в этом уже не могло быть теперь никакого сомнения, — но Евгений Павлович думал сначала отделаться как-нибудь так и во что бы ни стало не заметить обидчицы» [4, с. 356]. Мы видим отчаянное стремление Евгения Павловича отказать Настасье Филипповне в очевидном факте его знакомства с нею. Переживают о том, чтобы не утратить собственного положения, и Епанчины при размышлениях о дозволении брака их дочери и князя Мышкина: «В том-то и состояло всё дело, что родители никак не были в силах сами решить: “Есть ли, и насколько именно во всем этом деле есть странного? Или нет совсем странного?”. Дружеское и откровенное мнение людей авторитетных и компетентных именно годилось бы в настоящий момент, когда, благодаря Аглае, еще ничто не было решено окончательно. Во всяком же случае, рано или поздно князя надо было ввести в свет, о котором он не имел ни малейшего понятия. Короче, его намерены были «показать». Вечер проектировался, однако же, запросто: ожидалось одни только «друзья дома», в самом малом числе» [4, с. 529]. И даже сама Аглая, которую Достоевский рисует барышней, не согласной с принципами Света, дерзкой, готовой даже совершить побег вместе с князем, просит его не говорить на серьезные темы. И угрожает ему, что если тот

³ Здесь автор статьи позволяет себе опираться на материал художественной литературы, поскольку писатель есть не только «придумщик» сюжетов, но и критик собственной эпохи. В этом смысле литературные произведения представляют собой ценную рефлексию современников о состоянии общества.

заговорит, то больше он к ней не придет [4, с. 530-531]. Мы ясно видим из строк Достоевского, насколько важно знать, как себя вести, чтобы быть принятым в обществе, и как остро члены его реагируют на неподобающее поведение. Причем Достоевский прямо сообщает, что проблема может действительно заключаться во взбалмошном, истерическом поведении, какое себе позволяет Настасья Филипповна в бравировании собственными пороками. Но он же признает, что похожие последствия будут иметь наивность, неловкость, излишняя открытость «по доброте душевной», а также обсуждение философских тем в обществе, на светских раутах и даже на домашних вечерах в кругу друзей семьи. Второй случай может вычеркнуть вас из общественной жизни, разумеется, на более короткий срок. Например, г-жа Епанчина не приходила к князю после злополучного вечера всего три дня, но, тем не менее, при многократном повторении подобных выходов срок будет увеличиваться, пока не перерастет в вынужденный отъезд из города, что и случилось с главным героем.

Героев же, подобных Настасье Филипповне, мы можем привести достаточно много как в отечественной, так и в западной культуре. Возможно, не с первого взгляда, но достаточно похожего героя — в смысле отношения к общественным нормам и иронии, с которой он относится к людям его окружающим — демонстрируют нам М. Захаров и О. Янковский в фильме «Тот самый Мюнхгаузен». Героиней, раз за разом бросающей вызов обществу, — то разъезжая по городу на позднем сроке беременности, то снимая траур по мужу раньше установленного срока, — и, тем не менее, определенно, вызывающей восхищение, — представляется Скарлетт О'Хара. Дюма в первых главах «Трех Мушкетеров» рисует безусловно обаятельного, но в то же время дерзкого д'Артаньяна.

Мы видим в этих героях романтическую дерзость, а в некоторых — душевный надлом. Читатель не может не сопереживать им, но, в то же время, не может и не осознавать обоснованности негодования других героев по поводу их поведения.

Наверное, наиболее ярким примером «отмены» в литературе XIX века является пример Анны Карениной в одноименном романе Льва Толстого. Уже по возвращении Анны из Москвы мы видим ее опасения относительно дальнейшего положения в свете: она реже бывает в кружке, который называют «совестью Петербургского общества», хотя раньше она предпочитала его «большому свету» «и в силу состояния, и в силу приятности общения» [9, с. 140]. Нельзя сказать, что она ошибалась.

После возвращения Карениной и Вронского из Италии и требований развода с Карениным, мы видим все значительнее проявляющееся отторжение «света» по отношению к Анне. Каренина в Москве сидит в изоляции, а Лидия Ивановна, ранее с удовольствием принимавшая ее, теперь раздражается из-за письма с просьбой поспособствовать встречам Анны с сыном: «Все в этом письме раздражило Лидию Ивановну: и содержание, и намек на великодушие, и в особенности развязный, как её показалось тон» [9, с. 496]. Княжна реагирует на это вполне в духе современной культуры отмены: «Скажи, что ответа не будет» (там же). Кульминацией является сцена в театре, куда сам Вронский просит Анну не ехать и, когда она все же решает отправиться, Вронский «знает по направлению взглядов, где она». Однако заговаривает с Анной только Картасов, после чего получает язвительное, громкое, публичное замечание от жены [9, с. 528]. И сочувствие выражается не Карениной напрямую, а Вронскому.

В конце концов мы видим Анну в деревне, совершенно загнанную, в полном одиночестве, зависимую от Вронского. В деревню к Анне приезжает только Долли.

За адюльтер «суду общественной морали» также подвергается г-жа Форсайт из «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси. Даже в рамках, казалось бы, совершенно гражданского дела о разводе, в основном речь идет о моральных вопросах. И несмотря на то, что авторы безусловно пытаются доказать нам, что общественный суд не всегда справедлив, а порой и слишком суров, они не могут отрицать, что героинями были нарушены общепризнанные нормы морали.

Отмена молодых людей изображается менее ярко и потому не так сильно впечатляет. Однако она все же встречается на страницах, описывающих жизнь общества XIX века. Например, Анатоля Курагина на протяжении четырех томов отправляют из Москвы в Санкт-Петербург, и обратно, а затем на фронт в связи с неподобающим поведением. Элементы «отмены» мы можем встретить в романе Шолохова «Тихий Дон», когда неспособный определиться в своих скитаниях главный герой мечется между официальной женой и Аксиньей и, что даже более принципиально для того времени, между красной и белой идеологиями.

Можно также встретить и феномен остракизма в сельской, крестьянской среде. Объектами отречения все же становятся чаще девушки, и наиболее распространенная причина — это внебрачные связи. На территории современной Украины для обозначения женщин, которые не сберегли девственность до свадьбы, было введено отдельное определение — «покритка». Покриткой становится, например, Катерина из одноименной поэмы Т. Шевченко:

*«Катерина, мое сердце!
Ой беда с тобою!
Как ты жить на свете будешь
С малым сиротою?
Кто расспросит, приласкает,
Кто вам даст укрыться?
Мать, отец - чужие люди,
С ними не ужиться» [12]*

Жизнь крестьянских общин во многом была построена на взаимном доверии и совместном труде, что ставило коллектив и его членов в положение взаимной зависимости. Жизнь в общине регулировалась также общественными нравственными нормами, «коллективной совестью». Например, часто общины боролись с пьянством: пьяницы маргинализировались, лишались права влиять на жизнь общины. Неодно-

значное, дистанцированное отношение в крестьянской среде было к колдунам и ведуньям; «Тяга к богатству и наживе, ростовщичество и использование кулаками кабального наемного труда вызывали неприязнь в крестьянской среде» [1, с. 9] и т.д. Существовала и административно-санкционированная процедура изгнания крестьянина из общины в случае, если «членов оных [крестьянских общин], в этой среде угрожает местному благосостоянию и безопасности» [8, Гл. 4, п. 34].

Традиционно и в «восточном», и в «западном» обществе женская измена воспринималась значительно более серьезно, чем мужская. В связи с чем женская измена подвергалась весьма серьезному социальному наказанию — общество серьезнее относилось к соблюдению нравственных заветов женщиной, нежели мужчиной. Хотя нельзя сказать, что излишняя мужская вспыльчивость обществом не осуждалась: Пьер Безухов после дуэли с Анатолом прослыл мужем-тираном, лишился «общественного обаяния», и в дом к нему приходили только близкие друзья или мужчины, приглашенные самой Элен.

Среди реальных исторических примеров: громко обсуждались попытки В.Д. Набокова и М. Суворина, редактора газеты «Речь», провести дуэль. Скандал разгорелся из-за «желтой» статьи, в которой Владимира Дмитриевича уличали в браке по расчету. Пикантность ситуации заключалась в том, что несколькими годами ранее за авторством В.Д. Набокова была издана статья «Дуэль и уголовный закон», в которой дуэли строго осуждались и признавались незаконными [6]. В прессе несколько недель публиковались подробности скандала между мужчинами, при том что дуэль так и не состоялась.

Таким образом, уже в XIX–XX веках в обществе вырисовываются основные механизмы современной культуры отмены: быстрое распределение информации о «безнравственном поведении» конкретного морального агента, внесудебное признание его вины, публичное осуждение вместе с попытками пресечь любые контакты с данной личностью.

На сегодняшний день наиболее острый вопрос заключается в том, насколько далеко и с какой скоростью распространяется информация. Если А.С. Пушкина в 1824 году достаточно было выслать из Одессы в Москву после откровенных ухаживаний за замужней княжной Воронцо-

вой, а М.Ю. Лермонтову в 1840 году уехать на Кавказ после дуэли с сыном французского посланника де Баранта, то Ф. Шаляпину в эпоху расцвета прессы приходится в срочном порядке уезжать за границу после того, как сначала он пел «Дубинушку» на благотворительном концерте в пользу революционеров в 1905 году в Киеве, потом не вышел в опере «Жизнь за Царя» в Москве, а затем в Мариинском театре в Петербурге на коленях пел несколько раз подряд «Боже, Царя храни». Практически моментально новость об этом облетела все либеральные и прокоммунистические круги России, после чего развернулась откровенная травля Шаляпина. Реабилитироваться ему помог лишь М. Горький, и то только через некоторое время, однако и после этого положение Ф. Шаляпина не было до конца восстановлено [3].

Кроме самих механизмов и мотивов процедуры изгнания, остракизма, отречения и культуры отмены из эпохи в эпоху, мы видим и те же самые проблемы, обозначаемые критиками данного положения:

- проблема поверхностного суждения о поступке человека без попытки выяснить причину и условия поступка, разобраться в действиях второй стороны нравственного конфликта;
- проблема «морального эксперта», то есть насколько сами осуждающие имеют для этого моральные основания, разбираются ли они в тонкостях нравственных вопросов, ведут ли себя в соответствии с нормами морали;
- проблема несовершенства самой общественной морали.

Мы видим, как раз за разом писатели выводят во всех подробностях нюансы мотивации своих героев. Объясняя несчастным, ранним браком Анны или жутким отношением Сомса к Айрин Форсайт их уход от мужа. Нам рассказывают, как Скарлетт сражается за свое положение в обществе или за свою семью и детей. Ф.М. Достоевского считают гением психологизма за его описание внутренних переживаний героев, в том числе и Настасьи Филипповны Барашковой, и Льва Николаевича Мышкина. Безусловно, если выносящий моральную оценку занимает

деонтологическую позицию или разделяет стоический подход к жизни, то мотивы героев не будут заботить его при нравственном анализе его поступков. И тем не менее, исходя из положений этики справедливости, добродетели, руководствуясь утилитаристскими концепциями, все же мы обязаны рассмотреть положение морального агента, проанализировать в полном объеме исходную информацию, основываясь на которой возможно будет сделать вывод о наиболее нравственном решении.

Данная проблема поднимается и современным критиками культуры отмены. Институт общественного мнения — внесудебный. Все же сложно представить, чтобы сообщество в социальных сетях провело собственное глубинное расследование ситуации, выяснило хотя бы правдивость информации, которая столь сильно взволновала его: «А так как осуществляет эти репрессивные меры общество, а не государство, репрессии именуется акцией общественной солидарности, освящаются праведным гневом «свободных» и «прогрессивных» людей, требующих от несогласных присесть на колено» [2].

Вторая значимая проблема, которая известна человечеству ещё с начала нашей эры, — проблема морального эксперта. В Священном Писании она фиксируется в притче о блуднице, в требовании «кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин 8:7). И здесь даже приверженцам Канта и М. Аврелия придется согласиться, что моральный закон внутри нас если и состоит в осуждении аморальных поступков, то только как внутренняя работа морального агента, но никак не в «побиении камнями», — это задача пенитенциарной системы.

Авторы художественных произведений передают проблему морального эксперта, изобличая своих героев, позволяющих себе публичное осуждение других. Достоевский описывает княгиню Епанчину как взбалмошную, инфантильную даму, которую не уважает даже собственная дочь; Лидия Ивановна Толстого — недалекая интриганка, которая верит в эзотерику.

Не обходят достаточно резкими словами критиков и современные общественные деятели: «Современный Запад — такой же преступник, прошедший химическую кастрацию и лоботомию» [2]; «[Люди] которые

травят массы других — ох какой ужас, какой кошмар — успешных людей — это огромная серая масса, которая просто завидует и ненавидит» [7, 33:39-33:53].

И все же сторонник этики справедливости чувствует удовлетворение своего праведного гнева, когда наказывают виновного и реабилитируют того, чьи мотивы нам понятны. Читатель успокоено, пусть и несколько разочарованно, выдыхает, когда читает строки «но я другому отдана, и буду век ему верна»; соглашается с отсылкой повесы Анатоля Курагина и радуется, что Наташа хоть и оказалась замешана в скандале, но не опорочена окончательно; ликует, когда Элизабет Беннет ставит на место тетку мистера Дарси.

В таком случае становится понятно, что в целом сам инструмент правильный, проблема в принципах, на основании которых эти решения принимаются. Теоретическое основание критики самой системы морали впервые представил в своей работе «к генеалогии морали» Ф. Ницше, утверждая, что христианская мораль стоит на принципах изначального самоуничтожения морального агента, что порождает лицемерие. И все же система нравственных норм, как и любая модель, помогает обществу функционировать, однако, опять-таки, как и любая модель, она никогда не является совершенной, так как не учитывает исключений и критических случаев. В общем-то, мораль действительно навязывает субъекту поступать определенным образом. Изобличающие эту проблему в литературе пишут о жестокости людей вообще, о глупости и холодности высшего света, который не прощает ошибок и пр. В рамках общественной дискуссии это может описываться в терминах «диктатуры либерализма» или «репрессивного аппарата консерватизма».

Невозможно отрицать наличие перечисленных выше трех проблем и фатальную, кажется, их неискоренимость в рамках традиции остракизма: внесудебный характер института общественного мнения, проблема морального эксперта и проблема принципов, на основании которых принимаются решения. И раз эти проблемы неразрешимы или разрешимы крайне тяжело (мы, конечно, можем представить себе общество, проводящее этическую экспертизу в полном соответствии с

рекомендуемой исследователями методологией, однако представить пути достижения такого общества уже значительно сложнее), то следовало бы и «отменить» культуру отмены, забыть о ней, раз она не подлежит исправлению, или смириться с нею, как с неизбежным злом.

И действительно, общество неизменно будет выделять Других, подвергать остракизму субъектов, нарушающих заведенный в нем порядок. Как было продемонстрировано — это социальный механизм, уходящий корнями в традиционные формы общественной организации. В механизме остракизма заключается необходимый для поддержания единства и выживания общества вообще регулятивный механизм. Именно посредством остракизма или культуры отмены «деструктивные элементы» оказываются маргинализованы — преступник получает не только судебное наказание, но и «праведный гнев народный». Вследствие общественного осуждения сознательный субъект запускает механизм моральной рефлексии и готов осознать суть собственного проступка. В случае же, если аморальное поведение сохраняется, обществу *следует* изолировать актора, на деле зафиксировать, что «приличные люди так не поступают».

Культура отмены работает, таким образом, превентивно, демонстрируя моральным агентам, что недопустимо совершать те или иные поступки. Наконец, подвергая моральной оценке поступки других, моральный агент совершенствует свою собственную нравственную интуицию, развивает способность нравственной рефлексии, если только, разумеется, он ставит перед собой именно эту задачу, а не возвысить свое положение за счет осуждения другого.

Эволюция остракических практик представляется нелинейной, вследствие общей гуманизации общества расширяется число в той или иной степени подвергаемых остракизму. С одной стороны, большинство культур больше не забивают камнями женщин после обвинения в измене. Однако поскольку супружеская измена все ещё порицается большинством обществ, то не соблюдающий эту норму человек другими моральными агентами осуждается и может быть подвергнут изгнанию из социального круга семьи, друзей и пр. С другой стороны, вследствие развития моральной рефлексии, осуждению подвергаются поступки, ра-

нее порочными не считавшиеся. Так, телесные наказания детей порицаются большинством в современном обществе; навязчивые ухаживания, скорее, выдают в человеке эгоиста, чем «пылкого любовника» и «преданного влюбленного»; возможность быстрой публикации собственных мыслей и впечатлений для широкого круга лиц также создает плодотворную почву для применения культуры отмены за опубликованные слова. Провинившийся, действительно, подвергается общественному обсуждению и осуждению, за этим в некоторых, оцененных как достаточно серьезные, случаях следует потеря социального положения: исключение из семьи или увольнение с места работы, разрыв рекламных контрактов или запрет на дальнейшую деятельность. Однако сам механизм культуры отмены теперь не предполагает отселения человека⁴, он носит в значительно большей степени ограниченный по времени характер. Большинство западных жертв культуры отмены уже восстановили свое положение: Джоан Роулинг входит в состав продюсеров сериала о Гарри Поттере на НВО, Артем Дзюба продолжает свою карьеру в составе «Локомотива» и даже Вуди Аллен выпустил новые фильмы в 2019 и 2023 годах. Периодически те скандалы на почве нравственных конфликтов, которые определяются как проявление культуры отмены, вообще не предполагают, собственно, «отмены», а только обсуждение проблемы, хоть и эмоциональное.

И все же приходится признать: культура отмены — это такая же модель, несовершенная, далекая от идеала, и, тем не менее, рабочая. Это особенно ярко заметно в условиях поляризации общества, в том числе сегодня. Группы, скорее, либеральные, переживают факт, как им кажется, отсутствия культуры отмены. В скобках заметим, что на самом деле дело в том, что остракизму в России подвергаются люди, исходя из других нравственных критериев, не разделяемых либеральной общественностью. Консервативно настроенная часть общества возмущается недостаточной эффективностью культуры отмены, что выражает-

⁴ В информационном обществе в качестве принудительного «переселения» вспоминается только случай с принудительной блокировкой Дональда Трампа в Твиттере (теперь X).

ся в комментариях вроде «А почему (вставьте имя) до сих пор не иностранный агент?», «Почему ему (ей) ещё не запретили выходить на публику?»).

Данное обсуждение сегодня значительно отличается по степени эмоционального накала, лексического оформления и широте распространения дискуссии от санкций высшего света XIX века и, тем не менее, оно безусловно является куда более принимающим, чем механизм остракизма в народной среде. Современным «Катеринам» в социальной защите не будет отказано никогда, и уж точно будет наказан тот, кто попытается побить покровку камнями. Именно это представляется ядром вопроса об аморальности культуры отмены — в расширении морального дискурса практически до всех пользователей Интернета с разными уровнями моральной рефлексии.

Наиболее логичным в таком случае для академической дискуссии представляется обсуждать не необходимость запрета культуры отмены, не полный отказ от инструмента (что, как было продемонстрировано, вообще невозможно), а его адаптации к современным условиям и, возможно, путей смягчения. Вряд ли возможно обернуть маховик прогресса вспять, вряд ли стоит искусственно ограничивать людей в возможности обсуждения проблем этического характера, в дискуссии о морали. В конце концов, расширение информационного пространства, читательские навыки сопереживания героям и анализа их поступков, исторический и социальный опыт уже привели к описанным выше положительным последствиям. Ускорение данного процесса, пожалуй, возможно только посредством образования и, как следствие, воспитания уважения к личности, заинтересованности в Другом, а не страха перед ним.

Автор выражает благодарность Юнусовой Л.И. за корректорскую вычитку текста.

Список литературы

1. Артамонова, Т.А. «Коллективная совесть» как основной фактор поддержания социального порядка в крестьянском мире. Учёные записки (АГАКИ). 2020. №4 (26). — С. 7-12
2. Богомолов, К.Ю. Манифест [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohischenie-evropy-2-0> (Дата обращения: 14.11.2023).
3. Дмитриевский, В.Н. Шаляпин — М.: Молодая гвардия, 2014. — 543 с.
4. Достоевский, Ф.М. Идиот — М.: АСТ, 2022 — 624 с.
5. Дуглас, М. Чистота и опасность, М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. — 286 с.
6. Зверев, А.М. Набоков. Ингрия [Электронный ресурс] URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/bio/zverev-nabokov/ingriya.htm> (Дата обращения: 12.11.2023).
7. Зыгарь, М.В.⁵, Богомолов, К.Ю., ОСТОРОЖНО: СПОР! Богомолов Vs Зыгарь. Новая этика — светлое будущее или этический рейх? [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eUgAVOLlq8o&ab_channel=%D0%9E%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%3A%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D1%87%D0%B0%D0%BA (Дата обращения 14.11.2023).
8. Свод Законов Российской Империи. Том IX. Особое приложение // Положение об установлениях, заведующими крестьянскими делами [Электронный ресурс]. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/208/112.html> (Дата обращения 12.11.2023).
9. Толстой, Л.Н. Анна Каренина — М.: Художественная литература, 1976. — 797 с.
10. Фрэзер, Дж.Дж., Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 1 — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. — 528 с.
11. Фрэзер, Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 2 — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. — 496 с.
12. Шевченко Т. Г., Катерина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/katerina-read-361406-1.html> (Дата обращения: 12.11.2023).
13. Эсхил. Трагедии // Агамемнон. — М.: Наука, 1989.

⁵ Признан Министерством юстиции Российской Федерации иностранным агентом.

Глебова С. В.
О возможности отмены культуры отмены

14. Forsdyke S. Exile, Ostracism, and Democracy: The Politics of Expulsion in Ancient Greece. — Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2005. — 376 p.

References

1. Artamonova, T.A. «Kollektivnaya sovest'» kak osnovnoj faktor podderzhaniya social'nogo poryadka v krest'yanskom mire [«Collective conscience» as the main factor in maintaining social order in the peasant world], Uchyonye zapiski [Scientific notes] (AGAKI) 2020. №4 (26). — P. 7-12. (In Rus)
2. Bogomolov, K.Yu., Manifest [Manifesto]. Available from: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohischenie-evropy-2-0> [Accessed 14th November 2023]. (In Rus)
3. Dmitrievskij, V.N., Shalyapin [Shalyapin]. — M.: Molodaya gvardiya, 2014. — 543 p. (In Rus)
4. Dostoyevsky, F.M., Idiot [Idiot], — M.: ACT. — 2022 — 624 p. (In Rus)
5. Duglas, M. Chistota i opasnost' [Purity and Danger]. — M.: Kanon-Press-C, 2000 — 286 p. (In Rus)
6. Zverev, A.M. Nabokov. Ingria [Nabokov. Ingria]. Available from: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/bio/zverev-nabokov/ingriya.htm> [Accessed 12th November 2023]. (In Rus)
7. Zygar', M.V.⁶, Bogomolov, K.Yu., OSTOROZHNO: SPOR! Bogomolov Vs Zygar'. Novaya etika — svetloe budushchee ili eticheskij rejh? [CAUTION: DISPUTE! Bogomolov Vs Zygar. New ethics — a bright future or an ethical Reich?]. Available from: https://www.youtube.com/watch?v=eUgAVOLiq8o&ab_channel=%D0%9E%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%3A%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D1%87%D0%B0%D0%BA [Accessed 14th November 2023]. (In Rus)
8. Svod Zakonov Rossijskoj Imperii. Tom IX. Osoboe prilozhenie // Polozhenie ob ustanovleniyah, zaveduyushchimi krest'yanskimi delami [Code of Laws of the Russian Empire. Volume IX. Special appendix // Regulations on the establishments of heads of peasant affairs]. Available from: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/208/112.html> [Accessed 12th November 2023]. (In Rus)
9. Tolstoy, L.N. Anna Karenina [Anna Karenina]. — M.: Fiction Literature., 1976 — 797 p. (In Rus)

⁶ Recognized by the Ministry of Justice of the Russian Federation as a foreign agent.

Глебова С. В.
О возможности отмены культуры отмены

10. Frazer, J.G. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]: In 2 vol., Vol.1. — M.: Terra-Book club, 2001. — 528 p. (In Rus)
11. Frazer, J.G. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]: In 2 vol., Vol.2. — M.: Terra — Book club, 2001 — 496 p. (In Rus)
12. Shevchenko, T.H. Kateryna [Katerina]. Available from: <https://www.rulit.me/books/katerina-read-361406-1.html> (In Rus)
13. Eskhil. Tragedii // Agamemnon. [Tragedies//Agamemnon] — M.: Nauka, 1989. (In Rus)
14. Forsdyke, S. Exile, Ostracism, and Democracy: The Politics of Expulsion in Ancient Greece. — Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2005. — 376 p.